© ЭО, 2005 г., № 3

Обсуждение книги В.А. Тишкова "Реквием по этносу" (материалы методологического семинара Института этнологии и антропологии РАН)

10 июня 2004 г. в Институте этнологии и антропологии (ИЭА) состоялся методологический семинар с приглашением ведущих ученых из других научных центров РАН. На семинаре обсуждалась книга директора ИЭА, чл.-кор. РАН В.А. Тишкова "Реквием по этносу". Председательствовал руководитель семинара – заместитель директора ИЭА д.и.н. М.Н. Губогло.

Выступление директора Института всеобщей истории РАН, академика РАН А.О. Чубарьяна. Обсуждаемая книга – итог многолетней деятельности нашего коллеги. Причем, как я думаю, это, конечно же, промежуточный итог. Книгу подобного рода – и по обобщениям, и по стилистике – я давно не читал.

Мне думается, проблемы, изложенные в книге, тесно связаны с развитием исторической науки. Существуют не просто формализованные связи этнографии с исторической наукой, но есть некое внутреннее единство между тем, чем сейчас занимается историческая наука, и проблемами современной социально-культурной антропологии.

Как известно, вокруг понятия "антропология" в последнее время существует много мифов. Многие коллеги, занимающиеся естественными науками, считают именно себя специалистами по антропологии. В то же время ученые в области социокультурной антропологии отстаивают свое право представлять антропологию. Есть мифы научные и мифы обывательские. Отсутствие учебного пособия – большой недостаток, и в какой-то мере это отражает аморфность понятия "антропология" в целом и социокультурной антропологии в частности. В этой связи стоит поддержать мысль В.А. Тишкова о необходимости подготовки учебника по социокультурной антропологии.

Было бы желательно создать в Государственном университете гуманитарных наук небольшое отделение, которое занималось бы социокультурной антропологией. У нас в Институте всеобщей истории РАН есть возглавляемый проф. А.Я. Гуревичем отдел, который называется то исторической антропологией, то культурной антропологией. Не совсем ясно, в чем различие между этими названиями. Переход от одного понятия к другому также свидетельствует о том, что в науке не всё ясно очерчено. Для меня значение книги В.А. Тишкова состоит еще и в том, что сегодня есть новое понимание социальной истории. В мировой науке существует специальный термин "новая социальная история". Это целое направление, по которому имеется огромная литература. Один из признаков новой социальной истории – включение в нее именно проблем антропологии, т.е. проблемы человека в истории, духовного начала, и отказ от некоторых абстрактных категорий, которыми оперировали ученые не только в нашей стране, но и во всем мире. Я думаю, что в перспективе важно найти взаимосвязи, новые подходы в социальной истории и включить в нее проблемы социальной и культурной антропологии.

Следующая проблема – это понятие "идентичность". Здесь также много неясностей. Сегодня написано немало работ на темы: та или иная страна в поисках идентичности, та или иная нация в поисках идентичности. В Киеве один крупный чиновник в администрации президента как-то сказал мне: "У нас есть флаг, гимн, у нас есть национальная атрибутика, но нет национальной идентичности". Я спросил его, а что это такое? И мой вопрос привел его в замешательство, так как не вполне ясно, что это такое, поскольку данное понятие вкладывается разный смысл. В обсуждаемой книге есть специальный раздел по идентичности. Как и всё в этой книге, в этом разделе имеется много свежих, хотя и часто спорных идей: спорных не в смысле ошибочных, потому, что избранное автором понятие субъективно, а просто вызывающих желание высказать иную точку зрения.

Следует сказать и о старом понятии "этнография". Когда первый раз появилось слово "этнология", то оно вызвало большое недоумение и острые споры о том, чем этнология отличается от этнографии. Думается, что и понятие "этнос", с которого начинается и чему посвящена обсуждаемая книга, – также вопрос дискуссионный. Я думаю, что реквием по этносу или прощание с ним преждевременны. Этнос – это реальность, которая продолжает существовать.

Та наука, которую автор называет социокультурной антропологией, переживает трансформацию. В этом смысле данный процесс вполне укладывается в то, что происходит в мировой исторической науке в целом, где есть своя динамика, столкновение традиционных подходов и попыток нового видения.

В начале обсуждаемой книги много места занимает анализ постмодернизма. Мое внимание привлекли рассуждения автора о том, насколько постмодернистское видение соответствует сегодня нашим новым подходам в отношении этноса. Есть точка зрения, что постмодернизм исчерпал себя, или, как говорят французы, "это уже не модно". Выявить, что здесь идет от моды, а что реально отражает некие факторы, – очень существенно. И важно, как мне представляется, что одна из существенных черт, если не ядро постмодернизма, – антропологический аспект, который нашел отражение в книге.

В целом я хотел бы сказать, что книга В.А. Тишкова – это повод для серьезных дискуссий и раздумий о судьбах гуманитарного знания и вообще гуманитарной науки и, если угодно, – о связи гуманитарных и социальных наук. Быть может, у нас в стране впервые (с точки зрения терминологии) происходит некое разделение старого понятия "общественные науки" на гуманитарные и социальные…

Выступление главного научного сотрудника Института археологии РАН и НИИ антропологии МГУ, академика РАН Т.И. Алексеевой. В последнее время стали широко пользоваться словосочетанием "социальная антропология", подразумевая под ним все, что относится к социальной жизни человеческих сообществ. К социальной антропологии может быть отнесена этнология, археология, культурология, социология. Вопрос: надо ли? До сравнительно недавнего времени под антропологией понималась наука о морфологической и физиологической изменчивости человеческого вида, о его возрастных, эпохальных и территориальных вариациях. Эта наука возникла, как минимум, более двух столетий назад, а ее корни уходят в античность. Столь же древние – этнография и археология. Почему нужно менять названия этих наук, вполне устоявшихся, имеющих конкретные цели и задачи, свою методологию и методические разработки? Что же тогда может подразумеваться под социальной антропологией? Собственно социология? Это не праздный вопрос. "Социальная антропология" как обозначение комплекса нескольких гуманитарных наук пришла к нам из американской науки. А раз уж так, то не следует ли нам во избежание путаницы и непонимания обратиться к строгой расшифровке этого словосочетания вместо простого его заимствования?

Теперь о книге Валерия Александровича. Я ее читала очень внимательно, и у меня не сложилось впечатления, что настало время для реквиема по этносу. Неоднократно на мой вопрос: "Почему нужно ругать то, что сделано этнографами ранее?" Вы, Валерий Александрович, всегда отвечали: "Я хочу привлечь внимание к изучению современности". В этом с Вами легко согласиться. Ведь и раньше этнографы изучали быт современного крестьянства и рабочих того или иного завода и т.п. Теперешнее изучение современности, к сожалению, связалось с политикой из-за возникновения самостоятельных и независимых государств на постсоветском пространстве, из-за мощной волны национализма, явно провоцируемой как внутренними, так и внешними силами, заинтересованными в нестабильности политической ситуации в России. Современные политические реалии заставляют нас отказываться от терминов "этнос", "раса", по-видимому, по принципу "нет этноса и расы – нет и проблем, с ними связанных".

Я много преподаю, и мне было бы трудно, если бы я основывалась только на Вашей, Валерий Александрович, книге, объяснить студентам, что же такое культура человечества, в чем ее своеобразие, что лежит в его основе. Без того, что сделано предшествующими этнологами, нашими учителями, объяснить это было бы невозможно.

Ваша книга имеет увлекательное название, но мое впечатление о книге противоречит этому названию. Ваша книга не отменила этноса. Все ее содержание наполнено анализом современного положения этносов, наций, этнических групп и т.д. Я – не этнолог и боюсь, что не совсем профессионально отнесусь к этой книге, но то, что я безусловно увидела, так это запал в начальных главах книги, запал какой-то острой дискуссии. Может быть, она и состоится

в дальнейшем, но пока я вижу только острую критику и желание перечеркнуть то, что было сделано раньше. А ведь если касаешься истории науки, то в первую очередь следует нелицеприятно, с полной оценкой достижений и ошибок прошлого, понять, какую роль конкретные ученые сыграли в то конкретное время, а уж потом оценивать их под углом зрения нашего современника.

Я абсолютно согласна, что распад Советского Союза был осуществлен группой людей, собравшихся в Пуще. Но он назрел, этот распад. И я также согласна в том, что возникновение этих новых независимых государств, обществ, сообществ – явление преходящее. Рано или поздно как назрел распад Советского Союза, так же рано или поздно произойдет консолидация всех вновь возникших государств, по-видимому, на какой-то иной основе, нежели ранее консолидировались республики СССР. Заканчивая, хочу выразить удовлетворение по поводу того, что предполагается создание семинара, на котором могут быть обсуждены острые проблемы современной этнологии и антропологии. У физических антропологов их накопилось немало, особенно с оживлением расистских настроений в нашем обществе.

Выступление заведующего отделом Кавказа ИЭА РАН, члена-корреспондента РАН С.А. Арутюнова. Книга представляет собой значительное явление в нашей науке. Собственно говоря, каждая ее глава в отдельности представляет собой именно такое явление. Но это не только потому, что ее написал талантливый, знающий человек, но и потому, что она отражает существенные переломные, кризисные процессы, происходящие не только в нашей стране, но и в человечестве в целом. Поэтому мы обсуждаем не только и не столько книгу, сколько эти реальности и эти процессы. Хотя, наверное, в каждую эпоху интеллектуальные лидеры считали, что они живут в самый важный и ключевой момент истории, который является переломным, а на самом деле оказывалось, что история имеет свой ход развития и каждая эпоха является необходимой ступенью. Но в общем лестница истории поднималась куда-то все ввысь и ввысь, и конца ее не было видно.

Сегодня мы действительно можем сказать, к сожалению, не ошибаясь, что мы живем в переломный период истории, хотя еще конца ее нет. Дело в том, что численность населения нашей планеты близка к тому максимуму, который эта планета может выдержать даже непродолжительное время, и, безусловно, во много раз превышает число, которое эта планета может выдержать более или менее длительное время. Поэтому все эти разговоры об "устойчивом" или "допустимом" развитии, не более чем сапоги всмятку.

Мы уже приближаемся к точке кризиса: нас уже не столетия, а всего лишь десятилетия отделяют от полного или почти полного исчерпания многих невозобновляемых ресурсов, в том числе энергетических. И надежда на какую-то термоядерную энергию тщетна. Мы знаем, чем обернулись надежды на атомную энергию. Есть государства, которые получают значительную часть своего энергетического потенциала за счет атомных электростанций, тем не менее тупиковость этого пути достаточно ясна.

Одним из самых сильных мест в книге В.А. Тишкова я считаю рассказ о том, как в деревню недалеко от его дома приехала группа наших коллег – исследователей, работающих в экспедиции, и они сказали: нам не интересна ваша деревня, потому что тут никто ничего не помнит про старину. Они были этим глубоко разочарованы, но еще более разочарован в них был сам В.А. Тишков. Вот приехали специалисты-этнологи в населенный пункт, где существует масса социальных проблем, где наблюдается расслоение людей на различные конфигурации, на различные социальные и политические группы, где эти люди привязаны к тем или другим более широким общенациональным конфигурациям, как они взаимодействуют между собой и как это отражается на уровне страны. А исследователь даже не замечает актуальности этих проблем, его интересует только то, что может рассказать бабушка о том, что было лет 70 назад, что она может достать из сундука, опять-таки вышитое тоже лет 70–80 назад.

И здесь в какой-то степени действительно содержится *реквием этносу* – этнос умирает, но не в смысле его реальной и абсолютной смерти, нет, этносы еще очень долго будут продолжать существовать. Умирает интересность этноса для истории и вот по этой интересности служит отходную книга Валерия Александровича. На самом деле этого нет, интересность эт-

носа, конечно, сохранится… Разумеется, этническая идентичность, принадлежность, этническое самосознание будут играть свою роль в контуре мировой истории, но если в процессе своего развития, кристаллизации, выхода на высший уровень, уровень нации, этноса идентичность и самосознание играли ключевую роль, и интерес к ним был понятен и оправдан, то, пожалуй, сейчас эту ключевую и главным образом прогрессивную роль этнос теряет.

Я хочу здесь оговориться, сделать замечание. Я не игнорирую призыв В.А. Тишкова забыть о нации. Забывать не стоит ни о чем, в том числе и о нации, но нужно различать гражданский, политический вид нации и этническую нацию, т.е. этнонацию; это – разные виды. Существует политнация россияне, и все чукчи, российские армяне – граждане России; балкарцы, татары, евреи и многие другие входят в российскую политнацию. При этом россияне как политнация не могли бы состояться без русской этнонации, которая выступает неким скелетом ассоциации с иными этносами, которые существуют в РФ, и без такого скелета этой федерации не могло бы быть так же, как, скажем, британской политнации не было бы без английской этнонации, которая присоединяет к себе, ассоциирует и уэльсцев, и шотландцев, и ольстерских протестантов, и т.д. и т.п.

И отличие этнологии от культурной антропологии, и переход нашего внимания к культурной антропологии от этнологии связаны с тем, что взамен таких громоздких ящиков-ниш, как этнос, мы имеем дело уже не с ящиком, а с этакими кучками, связками, переплетенными какими-то тряпочками, текучих, не очень устойчивых, но сугубо интерактивных конфигураций, отражающих в себе этничности составляющих их членов, но не сводящихся никоим образом к этничности, и более того – конфигураций, в которых неэтническое преобладает.

В свое время я утверждал и продолжаю утверждать, что письменные коммуникации и коммуникации с помощью печатных станков и других технических средств явились рубежами в формировании новых типов этнических общностей. Я говорил и о том, что трудно предсказать, какого рода общности появятся, когда наша жизнь будет компьютеризована полностью и все мы вольемся во всемирную сеть электронной связи. Сейчас это почти что реализуется, это очень быстро развивается, хотя представляется, что данная паутинная сеть электросвязи в отличие от устной речи, письма, или печатного письма на типографских станках, которые способствовали формированию племен, народностей, наций, менее стабильна; ее интерактивность, текучесть, актуальность носит иной характер, нежели устная речь или письмо. И это как раз и способствует формированию и активному процветанию именно тех малых и текучих конфигураций, к изучению которых тщетно призывает Валерий Александрович сотрудников той самой рязанской экспедиции. Тщетно потому, что, к сожалению, в наших вузах людей, которые были бы способны подойти к решению таких задач, еще не готовят.

Я должен сказать, что обсуждаемую книгу можно раскрыть на любой странице и найти то, с чем я хочу согласиться, и то, с чем я хочу поспорить. Взять, к примеру, проблему сепаратизма, проблему симпатии или антипатии к сепаратизму. С одной стороны, да, это реализация права народов на самоопределение, и поэтому, казалось бы, осуждать ее нельзя, так как тот же распад СССР был нужен – он дал свободу Прибалтике и Закавказью. С другой стороны, он разорвал те кровеносные сосуды ассоциаций, которые связывали в единое целое разные этноорганизмы. Мне бывает плохо, когда для того, чтобы поехать в Тбилиси, я должен обращаться за визой. Не должно быть такого в культурных взаимоотношениях народов. Плохо, что я почти потерял контакты с моими грузинскими коллегами, с которыми у меня были очень тесные связи. Это никому не на пользу, кроме ограниченного числа олигархов, или "олигоршочков", политиканов и политиканчиков.

Например, насколько морально оправдано стремление к отделению Тибета от Китая против воли ханьского большинства в КНР? В этом регионе, в Тибете, такого большинства пока нет, а во внутренней Монголии оно есть, но оно искусственно насаждено, поэтому, конечно, хорошо было бы видеть мирное содружество ассоциированных народов в демократическом Китае, но нет демократического Китая, а есть тоталитарный, который насаждает китайскую колонизацию в этих изначально некитайских районах. И с большим опасением я вижу, что будет, если состоится выбор подавляющего населения России, нероссийской политнации, а

именно русского народа в пользу нового варианта национал-социализма, который сейчас мы наблюдаем на самых разных уровнях – от пьяных хулиганов, убивающих таджикскую девчушку, до "лощеных" и "холеных" выступлений господина Рогозина.

Этот выбор очень беспокоит и настораживает. Можно только надеяться, что те новые конфигурации, о которых я говорил, в конце концов окажутся способными свести на нет эти вообще-то устаревшие стремления политиков развертывать национальные и националистические знамена для достижения своих низменных целей.

Выступление старшего научного сотрудника Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, кандидата исторических наук Н.М. Гиренко. На семинаре было сказано, что в значительной степени книга Валерия Александровича связана с политикой. Я думаю, это не совсем так. Скорее всего, она связана с практикой. Когда человек обращается к каким-то фундаментальным моментам теории (в данном случае я имею в виду аспекты теории этноса), это значит, что ему пришлось применить какие-то старые теории на практике. Насколько я понимаю, Валерий Александрович в свое время был вовлечен в эту практическую деятельность, работая в министерстве. И те концепции, которые существуют и воспроизводятся до сих пор, – концепции Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева – оказываются нереальными, если предпринимать попытки воплотить их в какие-то законодательные акты или использовать в судебных разбирательствах, в которых мне приходилось участвовать.

Но я коснусь другого момента. С необходимостью понимания этноса я впервые столкнулся, когда занялся проблемой племени. Хочу напомнить вам о статье И.В. Сталина 1912 г., которую Валерий Александрович почему-то проигнорировал в своем труде, где четко обозначена эволюция: племя – категория этнографическая, нация и народность – категории исторические. Когда спрашивают, сколько народов на территории России, часто отвечают: "столько-то наций и народностей", хотя какая разница между ними, никто никогда не знал и до сих пор, по-моему, не знает. Кроме того, нам еще напоминают о пятичленной типологии, о том, с чего начинается племенной строй и т.д.

Теория этноса мало кого касается. Этнограф, изучающий ритуал бракосочетания, видит конкретную культурную систему, принадлежащую, быть может, разным социальным системам, но сам культурный ареал будет шире любой социальной системы; культурный ареал не сводим к ней, и это принципиально значимо. Встает вопрос, что здесь первично, а что вторично? Я утверждаю, что ни одна культурная система вне социальной системы системностью не обладает. Русские, живущие в Америке, и русские, которые живут здесь, просто ассоциируют себя с культурной системой. Мы идентифицируем себя также и с социальной системой для того, чтобы идентифицироваться с некой социальной группой.

Я согласен, что реквием по этносу – это реквием по определенным теориям, однако всегда будет множество людей, которые ассоциируют, идентифицируют себя с культурной общностью. Назовем ее этносом, назовем ее как хотите – все равно это культурное единство всегда будет необходимо людям.

Выступление ведущего научного сотрудника ИЭА РАН, доктора исторических наук М.Л. Бутовской. С моей точки зрения, то, что мы сегодня наблюдаем в международном сообществе антропологов, есть не что иное, как ориентация на интеграцию знаний в области физической антропологии и антропологии социальной. Я бы сказала, что сейчас растет понимание того, что каждая из этих дисциплин сама по себе может весьма мало сказать о феномене человечества, и лишь синтез этих двух направлений может оценить феномен человека объективно и полностью. Дело в том, что каждое из этих направлений дает, по сути дела, искаженное представление о человечестве, очень часто неверно интерпретируемое коллегами из другой области антропологического знания.

В последнее время появилось много публикаций, учитывающих потребность интеграции; особенно показательны в этом плане журнал "Current Anthropology", "American Anthropologist" и другие журналы. В таких публикациях человек представлен в комплексе: он имеет тело, душу, и у него есть социальная среда, в которой он находится.

В последнее время проведено много исследований в области изучения ранних этапов антропогенеза. Эволюция человека еще более удревнилась, и мы более наглядно видим приматные корни человека. Поскольку мы теперь знаем, что родство гоминин (я еще раз говорю – гоминин, а не гоминид, потому что в связи с пересмотром систематики человека теперь принято говорить "гоминины" относительно человека и его ближайших эволюционных родственников) прослеживается на уровне более 6 млн лет назад, известно, что скорее всего уже около 6 млн лет назад эти наши ранние родственники были двуногими.

Что происходит в других областях знаний и каким образом эта интеграция осуществляется? Я приведу несколько примеров. В принципе то, что человек близок к другим животным, осознается не просто на уровне каких-то антропологических исследований, но не являлось секретом для представителей многих традиционных культур. В свое время я поразилась, когда один мой коллега – аспирант-кубинец, прийдя к нам в дом, стал рассматривать фотографии, разложенные у меня на столе, там были большие фотографии горилл и других человекообразных обезьян. Так вот он взял портрет гориллы крупным планом, приложил к себе и сказал: "Ну разве это не черный мужчина-африканец? Посмотри на меня, посмотри на эту гориллу, мы ведь очень похожи". То есть в принципе ощущение сходства между нами и нашими ближайшими родственниками витает в воздухе, и она очевидна, и многие народы не видят ничего унизительного в этом сходстве.

Отрицание этого биологического сходства, с моей точки зрения, никак не способствует дальнейшему углублению знаний о человеке. И второй вариант также африканский материал. Один из моих коллег, который длительное время работал с охотниками-собирателями (макогодо), перешедшими в дальнейшем к скотоводству, обитателями Северной Кении, сообщает, что окружающие соседи – это масайский круг народов – презрительно отзываются об этих новоявленных скотоводах, которые, кстати, утратили свой язык и говорят уже на масайском языке, называя их "интероба". Интероба означает человек-животное, хотя, разумеется, масаи отлично осознают, что макогодо такие же люди, как и они сами. Они их унижают исключительно потому, что помнят недавнее прошлое макогода как охотников-собирателей. Показательно, что масайские группы не гнушаются брать жен из среды макогода, но считают этот народ близким к животным.

Второй пример, который говорит о том, что социобиологическая природа человека должна учитываться в различных аспектах, прежде всего в области социальной антропологии, – это кукла Барби. Вся проблема в том, что кукла Барби была создана с учетом пропорций тела, типичных для европеоидов, в частности, белых американцев. Это вызвало массу проблем потому, что девочки-афроамериканки или же индианки, играющие с этой куклой, стали формировать собственную идентичность под ее воздействием. То есть когда антропологии показывали им портреты разных людей, то они ассоциировали себя по внешности с Барби и сильно комплексовали. Им казалось, что они должны быть сходны по внешности с белыми женщинами.

Рекомендации антропологов были приняты в расчет, и Барби стали выпускать в разных этнорасовых вариантах: в виде индианки или негритянки. К сожалению, производители приняли в расчет цвет кожи, структуру волос, но проигнорировали пропорции тела. Последние оставались такими же европеоидными, как и в исходной версии Барби. В результате последовали новые замечания социальных антропологов и новые "редакции" куклы Барби.

Этот простой пример показывает значимость антропологических знаний. Даже игрушки должны, таким образом, видоизменяться, чтобы учитывать антропологическую специфику потребителей (в данном случае девочек в возрасте 4–12 лет).

Выступление эксперта Института модели национальной экономики В.Л. Каганского. По-моему, настал черед привнести несколько ложечек дегтя. Разумеется, я читал эту книгу прежде всего как мощную демифологизацию и демистификацию этничности. Географы тяготеют к своего рода социалистской этнографии: кто из географов моего поколения не увлекался, скажем в 1970-е годы Гумилевым, таких просто не было. Для меня эта книга интересна прежде всего этим. Вот чего я, к сожалению, не вижу в этой толстой книге, так это реализма

относительно России. Все, что можно, проблематизируется, все, что можно, ставится под сомнение. Если читать эту книгу как книгу о России, то она, конечно, чрезвычайно эссенциалистская, и примордиалистская; совершенно несомненно, что Россия никаким образом не проблематизирована, хотя мы хорошо знаем, что здесь есть много идеологических, мифологических и прочих конструктивных процедур. На мой взгляд, это так. Хорошо это или плохо?

Видимо, каждый специалист не может проблематизировать у себя почву под ногами. Этим должны заниматься другие. И второе. Я ничего не нашел и о том, что в России происходит сейчас, на мой взгляд, бешеное конструирование новых по типу этничностей. Но другое дело, что из Москвы этого не видно. Когда я говорю "новых по типу", то говорю о таких вещах, как, например, на Урале, где возникает, скажем, известная группа бажовцев и т.д. И таких групп в российских регионах мы увидим очень много. По функции это – этническая идентичность; по самоопределению, по брачным контактам, по сетям взаимопомощи и по чему еще угодно. Но в ее основе лежат какие-то новые факторы. Нет, это не землячества, потому что бажовцы раскиданы практически везде, они базируются на Урале, съезжаются на Урал, но они есть и по всей России.

И теперь несколько реплик о том, чем может быть полезна теоретическая география. В отличие от обычной географии теоретическая география занимается порядками человеческой деятельности, в том числе связями с природным ландшафтом, умеет систематизировать эти порядки. У нее есть собственная концепция культурного ландшафта советского и постсоветского пространства, не связанного с природными особенностями этой территории, а связанного больше с административно-территориальным делением. Кстати, господа этнологи почему-то такой примечательный институт, как административно-территориальное деление, не жалуют. А ведь когда говорят, что в Советском Союзе формировались нации и народности, то они формировались прежде всего если не исключительно, путем создания этноадминистративных регионов, в которых уже и порождалось этничность, т.е. первичным здесь было создание этноадминистративных регионов.

Выступление директора Института федерализма и гражданского общества, доктора политических наук А.Н. Аринина. Фундаментальный труд В.А. Тишкова, который мы сегодня обсуждаем, – это новый важный шаг вперед в осмыслении сложных проблем социально-культурной антропологии. Следует сказать, что не только по каждой из 14 глав исследования, но и по каждому параграфу можно проводить самостоятельную большую дискуссию. Столь масштабный и глубокий характер они имеют. К примеру, раздел "Советское наследие и постсоветские территории" примечателен обещающим выводом автора о том, что "новая Россия возникала не в результате распада СССР, а, наоборот, он распался после того, как возникла новая Россия". Какое место занимал и какую роль сыграл этнокультурный фактор в истории СССР и в его распаде? На этот вопрос исследователь дает, на мой взгляд, правильный ответ. Смысл его в том, что Советское государство, несмотря на его декларируемую интернациональную, классовую природу, осуществило этнизацию политики и даже внутреннего административного устройства, что практически не позволяют себе современные государства. По существу, советский эксперимент выпестовал периферийный этнонационализм в ущерб гражданской идентичности, исходя отчасти из устремлений на устранение неравенства и развития малых культур, а отчасти из пропагандистских установок, чтобы продемонстрировать преимущества социального порядка перед остальным миром.

Автор далее отмечает, что когда пришло время демонтажа единой идеологии и жесткой политической системы, а также время лозунгов "национального самоопределения вплоть до отделения", тогда этот же национализм стал основным и наиболее понятным средством групповой политической мобилизации для разрушения общего государства.

Продолжая данный вывод, от себя хочу заметить, что цель политики этнонационализма заключалась в приватизации государственной собственности "для себя любимых". Не случайно поэтому этнонационализм в республиках Российской Федерации оставался одним из главных инструментов групповой политической мобилизации только до момента окончания приватизации крупных государственных предприятий и компаний. Когда этот процесс был в основ-

ном завершен, возникла возможность укрепления российской государственности. Так, лишь к концу 1999 г. Государственной Думе удалось отстоять в Совете Федерации принятые ею ранее законопроекты, которые касались основных принципов устройства государственной исполнительной и законодательной власти в субъектах Российской Федерации и основных принципов взаимоотношений госвласти федерального центра и ее субъектов. Однако законопроект "О борьбе с коррупцией" так и не был одобрен Советом федерации, в котором заседали в тот период главы регионов и законодательных органов госвласти субъектов федерации.

Все это говорит о том, что сутью этнонационализма, равно как и этнического фактора в политике, являются сегодня экономические, но не этнокультурные интересы. Я солидарен с В.А. Тишковым, когда он замечает, что реальность этничности является реальностью общественных отношений. Представляются интересными обобщения В.А. Тишкова по проблеме сепаратизма. "Сепаратизм не стал бы глобальной проблемой, если бы не служил орудием соперничества государств и средством геополитической инженерии", – отмечает он. В этой связи человечество не придумало пока ничего лучшего для обеспечения общественного порядка и социального преуспевания людей, чем государство. Интеллектуальные дебаты, как справедливо пишет Валерий Александрович, об отмирании государства на самом деле представляют собой утилитарную миссию ослабления или даже разрушения одних государств для усиления других.

Усилия должны быть направлены на то, что научить политиков и общественных активистов тому, как людям с разными религиями и языками жить в одном общем государстве и решать проблемы строительства правового демократического государства, не нарушая прав и свобод человека и не перекраивая границы.

В связи с этим сегодня проблема укрепления государства – это в первую очередь проблема исполнения законов, соблюдение прав и свобод человека, разрешение социально-экономических, а, следовательно, и этнических проблем. Другими словами, поскольку реальность этничности есть реальность общественных отношений, постольку от соблюдения и защиты прав и свобод человека зависит этнокультурное благополучие общества.

Выступление директора Института социологии РАН, доктора исторических наук Л.М. Дробижевой. Когда я читаю книги Валерия Александровича, мне все время кажется, что ему тесно в рамках одной науки, одной страны, одной культуры. И он все время провоцирует нас на то, чтобы мы мыслили шире и думали о большем, чем думает сегодня. И я думаю, что это одна из очень больших заслуг его как человека, как ученого. Еще, если бы мы начинали обсуждение с того, что могли задать вопросы, я задала бы два вопроса. Почему, Валерий Александрович, Вы написали статью, которая стала общественным событием в нашей стране, – "Забыть о нациях?". Эту статью Вы не назвали "Российская нация". Почему Вы назвали книгу "Реквием по этносу", а не о социально-культурной антропологии? Потому, что мне кажется, что каждая Ваша книга и каждая Ваша статья имеет очень точные политический и научный прицел. И данную Вашу книгу я воспринимаю как прицел на расширение поля, предметного поля этнологии, которое в последние 15 лет пережило уже одно изменение названия и теперь, видимо, переживает второе.

И поэтому мне хотелось бы поставить три вопроса. Первый вопрос о том, как же позиционируют сейчас себя общественные нации? Главный процесс, который мы сейчас переживаем, – взаимодействие этих наук и расширение поля каждой науки. И поэтому главнейшей проблемой, которая перед нами встает, – это знать друг о друге. К сожалению, мы не знаем очень часто друг о друге. Например, социальная антропология или культурная антропология. Мы ее знаем по зарубежным книгам. Но у нас эта наука уже преподается в университетах на социологических факультетах. Значит это та культурная и социальная антропология или другая, которая будет в стенах этого института? Может быть, это формальный вопрос, да, скорее всего формальный. Но все-таки он и по сути, потому что каждая наука имеет свою предметную область.

Ваша книга – это очень широкая предметная область. Это не только этнология, это не только политическая антропология. По-моему мнению, Ваша книга выстроена в более жесткой конструкции – "Политическая антропология". Это жесткая конструкция, четко и ясно;

что, о чем это. А вот эта книга, конечно, про очень многое. И в этом ее достоинство, но и определенные сложности и противоречия. Нельзя не согласиться с мнением, что в ней есть противоречия, т.е. с чем-то можно согласиться, а с чем-то нет. Это конечно воля автора, но мы, как члены научного общества, должны более четко определять поле научной деятельности.

Мне хочется пожелать Вам как ученому, задающему тон в этнологии, в социально-культурной антропологии, как она теперь будет называться, определить, как Вы видите свое направление в этой науке, более четко определить то, чем Вы будете заниматься. Ведь то, о чем мы говорим сегодня, в частности, "об изучении социальных явлений в повседневности", уже изучается. Существует такие науки, как социальная антропология, политическая антропология (например, в Российском государственном гуманитарном университете), в которых изучаются некоторые культурные феномены: панки, скинхеды и т.д.

А что же все-таки этнология? Для меня, например, как человека, выросшего в этом институте, тоже интересно было бы знать. Я чувствую, судя по литературе, что в научную лексику в ближайшее время войдет такой термин, как мультикультурализм. Это то, что было сделано в Канаде для того, чтобы снять повышенный уровень политизации и заменить этнос языком и культурой. Там это было сделано для чего? Для того чтобы интегрировать общество. У меня есть подозрение, что здесь мы делаем то же самое. Эта идея есть у Валерия Александровича, – интегрировать общество за счет снятия тех терминов, которые как бы разъединяют людей.

Давайте подумаем, когда мы вводим и уже употребляем термин "мультикультурализм", мы не имеем в виду только культуру народов или этнических групп. Нам, социологам, намного легче оперировать подобными терминами. То есть мы говорим "этнические группы" – и все. Нам совсем не обязательно знать, что татары в Татарстане или татары в Мордовии – все этническая группа. А вот тут как оперировать этим термином? Потому что мультикультурализм – это и интересная культура, это и культура меньшинств – все мультикультурное.

А если мы называем термин "мультиэтничность", то тогда встает вопрос о некоторых реалиях? Например, об интересе. И вот здесь вопрос об этнической идентичности, о которой здесь уже говорили, – и что же такое этничность? Это этническая идентичность? Это не совсем так. Этническую идентичность Вы интерпретируете как представление. Верно? Я так понимаю из всех ваших работ. И когда мы преподаем, мы так Вас интерпретируем. Но этническая идентичность – она и солидарность, тогда только это некая общность, если она солидаризована. Она солидаризована, может быть, только на интересах, – не на представлениях. На представлениях она не может быть солидаризована. А если это интересы, то тогда это уже мультиэтническое. Никуда мы от этого уйти не можем. Если Вы можете это проинтерпретировать, это было бы для нас интересно.

И второе, о чем я хотела бы сказать, – о методологии. Конструктивизм – это главное в методологии, в которой мы работаем, и от этого тоже никуда не уйти. Вы деконструируете национализм, вы деконструируете этничность в определенных целях, которые Вы ставите. И мы стараемся деконструировать то, что мы считали непродуктивным для современного общества. Но в социологии раньше, чем в этнологии, происходил такой критический подход именно к конструктивизму, потому что поняли предел. И сейчас наиболее распространенный подход, – я, конечно, не могу сказать за всю мировую науку, – но в российской социологии и в социологии европейской, чаще мы его так и называем – полипарадигмальный. Например, мы конструируем национализм, националистические идеи, мы ведь с вами идеологи. Но почему другие идеологи не могут его деконструировать? И мы от этого никуда не можем уйти. Мы видим, как растет роль этничности, но мы знаем, что было 11 сентября. И после этого ученые всего мира вместе с политиками пытаются понять, какая роль в этом этнических чувств, этнического самосознания, этнических самоопределений. Значит, эти проблемы одним подходом не всегда можно решать.

И последний вопрос, над которым я хотела бы призвать подумать, – это о том, какой вывод можно сделать о сегодняшнем дне, о защите прав меньшинства или прав "большинств". Болезненный для нас всех вопрос. В Вашей книге "Политическая антропология" Вы утверж-

даете, что мы сейчас находимся на стадии, когда мир или сообщество, политическое, может быть, сообщество, ищет способ защитить большинство или государство от агрессии меньшинства. Я призвала бы Вас изменить эту формулировку, потому что в принципе демократическое общество нигде еще не ушло от принципа одного элемента представления о демократии как общества, где услышан голос меньшинств. И в этом отношении от агрессивного меньшинства страдает не только большинство и не только государство, но и само меньшинство. Поэтому и агрессивное большинство, и агрессивное меньшинство в одинаковой степени представляют опасность для общества.

Выступление главного научного сотрудника ИЭА РАН, доктора исторических наук Д.Д. Тумаркина. Первое заседание возрожденного методологического семинара посвящено обсуждению книги В.А. Тишкова "Реквием по этносу", которая, как бы к ней ни относиться, несомненно явится определенной вехой в истории российской этнологии (социальной/культурной антропологии).

Как историк отечественной науки я на минуту вернусь в прошлое. 5 февраля 1970 г. на заседании методологического семинара Института этнографии АН СССР обсуждалась статья Ю.В. Бромлея "Этнос и эндогамия" – один из важных и неоднозначных аспектов активно разрабатывавшейся им теории этноса. Как тогда нередко случалось, сигнал о "немарксистской" сущности этой теории поступил в партийные органы. Но донос сплотил творчески мыслящих сотрудников института, ибо они понимали, что это была попытка не только опорочить Ю.В. Бромлея, но и прервать наметившийся в институте переход от преобладания окаменевших схем к более свободной разработке теоретических проблем. В обсуждении участвовал 21 человек, и почти все выступавшие – даже те, кто был далек от этой проблематики, – поддержали автора статьи. В 1973 г. была опубликована книга Юлиана Владимировича "Этнос и этнография". В нашей науке началась "эпоха Бромлея".

Новые идейно-теоретические концепции, утвердившиеся в отечественной этнологии в постсоветский период, способствовали кризису теории этноса. Но этот кризис был вызван не только внешними причинами. В период обострения межнациональных отношений в конце 1980-х годов и особенно после распада СССР теория этноса не смогла дать внятный ответ на ряд кардинальных вопросов и послужить надежной основой при разработке национальной политики. Более гибкой и действенной оказалась конструктивистская теория этничности, которой придерживается В.А. Тишков. Это особенно проявилось при изучении современности – этнополитических проблем, положения национальных меньшинств, критических ситуаций и т.д. Однако в последнее время как российские, так и западные исследователи начинают все глубже осознавать ограниченность конструктивизма, уходящего своими корнями в философию постмодерна. Поэтому, как справедливо подчеркнула в своем выступлении Л.М. Дробижева, активизируются поиски мультипарадигмального подхода к этносоциальным явлениям и процессам.

Развитие науки продолжается. Не исключено, что в сравнительно недалеком будущем в отечественной этнологии произойдет смена вех и в центре внимания окажется обобщающий труд, существенно отличающийся по свой парадигматике от обсуждаемой сегодня книги. А пока очень важно сохранять идейно-теоретический плюрализм – важнейшее завоевание постсоветской этнологии.

Выступление редактора журнала "Этнографическое обозрение", кандидата исторических наук Ю.В. Ивановой. Глубокоуважаемый Валерий Александрович! Ваш основной тезис – о неопределенности и неосязаемости самого понятия "этнос" – Вы подкрепляете порой весьма неудачными примерами, которые отнюдь не помогают изложению Вашей мысли. Например, Вы привели на страницах этой серьезной книги анекдотичный случай, когда какие-то неумные девицы сказали крестьянкам: нам у вас не интересно, в ваших сундуках нет старинных одежд! Таким примером Вы хотели подчеркнуть, что этнографы понимают этническую культуру как набор признаков далекой старины и не интересуются современным состоянием культуры и жизненными установками народа в целом. Но этот случайный эпизод отнюдь не харак-

теризует методы этнографической работы! В любом деле может оказаться неквалифицированный человек.

В действительности этнографы всегда обращали самое серьезное внимание на жизнь людей села и города в каждый момент истории. Одно из основных положений этнографической науки, сформулированных в период ее возрождения в нашей стране в середине 1940-х годов (после разгрома 1929 г.), заключалось в изучении каждого народа с момента его появления на карте истории (этногенеза) и вплоть до наших дней, независимо от степени экономического развития, политического статуса и т.п. Этот основополагающий тезис в наших работах, в том числе и в полевых исследованиях, неукоснительно соблюдался.

Я могу подтвердить сказанное сейчас документально. Полевая комиссия (которой мне выпало руководить в течение восьми лет) в целях обмена опытом и обобщения этого опыта собрала и систематизировала все программы, вопросники, анкеты, по которым работали полевые отряды. Все они (подчеркиваю – все!) отражали наш постоянный интерес к современности.

Смысл моей краткой реплики заключается, во-первых, в чувстве обиды за этнографов, к которым Вы – директор Института этнологии относитесь с явной иронией (иначе бы Вы не остановили внимания на ничтожном, ничего не означающем эпизоде!), во-вторых, в утверждении, что понятие "этническая культура" – реальность, включающая в себе все стороны жизни каждого народа/этноса.

Выступление главного научного сотрудника ИЭА РАН, члена-корреспондента РАН Ю.В. Арутюняна. В обсуждаемой работе так много проблем, что можно говорить до бесконечности. Поэтому я остановлюсь на одной, но, по-видимому, судя по названию книги, центральной – "Реквием по этносу". Ясно, что автор не абсолютизирует это положение. Для одних этносов "реквием" еще ничем не обозначен и никак не выражен. Для других он безусловен, уже во многом очевиден, а для иных даже близится к финалу. Причем, что очень важно осознать, "реквием" имеет отличное выражение и внутри самого этноса, в рамках его социальных и тем более территориально-государственных групп.

Социальный диапазон достаточно известен. Он огромен – от "люмпенов", криминальных групп – до творческой интеллигенции, предпринимателей, административно- управленческой когорты. Менее очевиден континуум этничности, варьирующей от образно выражаясь, "плавильного котла", "салата" и, наконец, закрытого этнического образования. Последнее в современном цивилизационном мире возможно, скорее, почти только теоретически. А два других образа – "плавильный котел" и "салат" – вполне реальны, и модное теперь отрицание "плавильного котла" не имеет оснований, как не имело оснований в прошлом и его абсолютизация для США в масштабах всего государства. Жизнь многообразна не только в пределах одной страны, но и в рамках локальных образований, где возможно разное проявление формально моноэтнического.

Так или иначе, в современном цивилизованном мире этнические границы во многом условны, а в перспективе вслед за автором, думается, "реквием по этносу", во всяком случае, в пределах российского общества неизбежен.

Материалы этносоциологических исследований говорят, что у нас идет процесс не только внутриэтнической, но и межэтнической идентификации, в конечном счете, – интеграции. Но осмысливать эти процессы, конечно, каждый раз надо с учетом места и времени, в границах не только цивилизации, но даже формально сходных и, более того, общих этнических локальных образований. Логика рассматриваемой монографии отвечает этим принципам.

Выступление главного научного сотрудника ИЭА РАН, доктора исторических наук Ю.И. Семенова. Торопиться с заупокойной молитвой по этносу не следует. Книга В.А. Тишкова необычайно объемна, в ней поднимается множество самых различных вопросов. Из всех этих проблем я остановлюсь лишь на нескольких, но зато, на мой взгляд, самых важных для нашей науки.

Начну с того, что мое отношение к взглядам и работам Валерия Александровича далеко не однозначно. У него имеются такие положения, с которыми я целиком согласен. Я, например, готов полностью подписаться под всем тем, что содержится в его статье "Язык и алфавит как

политика"[1]. И в обсуждаемой книге есть немало положений, которые я разделяю (резко отрицательное отношение к сочинениям С.Е. Рыбакова, к многочисленным учебникам под названием "Социальная антропология", "Социально-культурная антропология" и т.п., которые пишутся людьми, которые пришли в эту науку извне и ничего в ней не смыслят, к этнопсихологии, к характеристике СССР как империи, взгляд на концепцию этносов Л.Н. Гумилева как паранаучную, и многое другое).

Но со значительным рядом важнейших положений, выдвигаемых и отстаиваемых В.А. Тишковым, я согласиться никак не могу. Это прежде всего касается развиваемой им концепции. При внимательном чтении книги закрадываются сомнения в том, можно ли в данном случае говорить о концепции в точном смысле слова. Дело в том, что на разных ее страницах содержатся не просто разные, но довольно часто совершенно несовместимые друг с другом высказывания. На одних страницах он пишет о том, что этносы (народы, этнические группы, этнические общности) существовали на всех этапах человеческой истории и бесспорно существуют сейчас (С. 54, 59, 61, 64, 69–71, 85, 98–99) и дается их определение, мало отличающееся от тех, что встречается в нашей этнографической литературе (С. 60). На других же страницах, напротив, где в завуалированной форме, а где и совершенно открыто, отстаивается взгляд, что в реальности этносов нет (С. 59–60, 116, 125). Это делает позицию В.А. Тишкова в известном смысле совершенно неуязвимой.

Если его упрекнут в отрицании бытия этносов, он всегда может заявить, что его неправильно поняли, неправильно истолковали и в доказательство сослаться на одни места книги. Если же скажут, что он по существу придерживается традиционной точки зрения на этносы, он вполне может отослать собеседника к другим ее страницам. Весьма двусмысленно само название обсуждаемой книги – "Реквием по этносу". Большинство читателей поняли его как полное отрицание бытия этносов. Но ведь заупокойную молитву читают по тому, кто жил, но к настоящему времени распрощался с жизнью. Выходит, что хотя этносов сейчас уже нет, но раньше все же они существовали. Вот и попробуй, разберись, что хотел сказать автор.

И все-таки пафос книги состоит в опровержении существовавших в советской этнографической науке взглядов на этнос. Я говорю не о взгляде, а о взглядах, ибо разные советские этнографы далеко не одинаково понимали природу этносов. Но общее в их представлениях было: в частности, все они признавали объективное существования этнических общностей. С тем, чтобы опровергнуть традиционное понимание этноса, автор приписывает его сторонникам представления, которых, насколько я знаю, никто из них придерживался: полная гомогенность культуры каждого из этносов (С. 60), их неизменность (С. 55), жесткость границ между ними и т.п. Концепции всех советских этнографов В.А. Тишков причисляет к направлению, которое в западной науке принято именовать примордиализмом. Действительно взгляды некоторых из них близки к примордиалистским. Некоторых, но далеко не всех. В примордиалисты В.А. Тишков зачисляет, в частности, и меня. Он же объявляет меня апологетом концепции этносов Ю.В. Бромлея (С. 10), ссылаясь при этом, как ни странно, на мою работу, в которой нет ни единого слова, ни об этносах, ни о концепции Ю.В. Бромлея[2].

В действительности мои взгляды на этнические общности сложились совершенно независимо от воззрений Ю.В. Бромлея и существенно отличаются от них. В отличие от примордиалистов я считаю, что этнос представляет собой явление исключительно социальное, но ни в коем случае не биосоциальное, тем более – биологическое, что они существовали не всегда, а возникли лишь с переходом от первобытности к цивилизации. Раньше же их не было. Я не только не являюсь сторонником "органицистского" понимания этносов, но, наоборот, всегда выступал с критикой взгляда на этнос как на особый организм, имеющий свои собственные законы развития.

---

[1] *Тишков В.А.* Этнология и политика. М., 2001. С. 215–222.

[2] *Семенов Ю.И.* О моем "пути в первобытность" // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. М., 2003.

Согласно моей точке зрения этнос не имеет и не может иметь ни экономической, ни политической организации, он не есть ни общество, ни подразделение общества, а всего лишь определенная группировка населения общества. Не является он и коллективом. Вообще я никогда ни говорил, ни о какой этнической субстанции[3].

Примордиализму В.А. Тишков противопоставляет направление, которое он именует социальным конструктивизмом. Последний часто характеризуют как принципиально новый подход к обществу и социальным явлениям. В действительности же ничего нового, кроме названия, здесь нет. Это то течение социальной мысли, которое возникло очень давно и всегда было известно под названием волюнтаризма. Суть последнего всегда состояла в том, что все социальные явления и ход истории всецело определяются волей людей. В этом взгляде, несомненно, содержится определенная крупица истины, но она в нем доведена до абсурда. В отличие от природы общество есть продукт деятельности людей. Все социальные институты, учреждения и т.п. создаются людьми и в этом смысле являются творениями людей, являются социальными конструкциями.

Самый важный вопрос, который возникает при этом: если люди создают социальные институты в соответствии со своими взглядами, то чем же определяются эти их взгляды. Четко определенный ответ дает на этот вопрос марксизм, к которому В.А. Тишков относится весьма враждебно. Как известно, материалистическое понимание истории исходит из того, что существующая вне человеческого сознания социальная реальность складывается из двух видов общественных отношений. Первый вид – отношения материальные, т.е. существующие вне и независимо от сознания и воли людей. Таковы социально-экономические связи. Существующие вне и независимо от сознания и воли людей социально-экономические отношения, определяют их сознание и волю и тем самым детерминируют их действия, и тем самым все прочие социальные отношения, которые являются волевыми. Волевые отношения, так же как и материальные, несомненно, существуют не в сознании людей, а вне него. Но в отличие от материальных, которые существуют независимо от сознания, они являются порождением сознания и в этом смысле зависят от него, являются субъективными. Но они не только субъективны: материальные социально-экономические отношения, детерминируя сознание, тем самым определяют их характер.

Волевые отношения поэтому одновременно и зависят от сознания и не зависят, одновременно и субъективны и объективны, причем степень субъективности и объективности разных волевых отношений (и тем самым их узлов, которые принято называть социальными институтами), может быть самой различной: одни из них могут быть почти чисто объективными, другие – преимущественно субъективными, а прочие занимать промежуточное положение. Так, например, в обществе, которое расколото на антагонистические классы, государства не может не быть, а люди в нем – с неизбежностью создавать институт государства. От природы социально-экономического строя зависят и формы государственного устройства. Существуют такие способы производства, при которых государство необходимо является монархическим по форме правления и деспотическим по политическому режиму. Но когда в принципе в обществе возможны различные формы правления и политические режимы, выбор зависит не от свободной воли людей, а от соотношения политических сил и многих других объективных условий. Таким образом, все продукты социальной деятельности людей, в конечном счете, объективно обусловлены.

Материалистического понимания истории придерживаются сейчас немногие. Но независимо от отношения к марксизму, все прекрасно понимают, что социальная деятельность человека, в результате которой появляются различные социальные феномены, включая этносы, может носить различный характер. Она может быть стихийной, в результате чего возникают социальные явления, о которых люди даже и не помышляли, возникновения которых они не

[3] *Семенов Ю.И.* Философия истории от древности до наших дней: Общая теория, основные проблемы идеи и концепции. М., 2003. С. 35–43.

ожидали. Социальная деятельность может быть вполне сознательной, когда люди сознательно, преднамеренно создают те или иные социальные конструкты. Конечно, грань между стихийной и сознательной социальной деятельностью весьма относительна: нет деятельности, которая была бы только стихийной, также как и деятельности, которая бы всецело была свободной, сознательной, и между двумя выделенными полюсами существует масса переходных форм, тем не менее эти два вида социального творчества все мыслители так или иначе различают.

В качестве примера почти исключительно сознательной деятельности можно привести создание и ликвидацию политических партий. Люди принимают решение создать партию, собирают учредительный съезд, принимают программу, а в последующем могут принять решение о роспуске партии. В том, что данная партия в период от создания до ликвидации существовала вне и независимо от сознания наблюдателей, исследователей, ни у кого не может возникнуть никаких сомнений. Несомненно, что в это время она существовала также и вне сознания своих создателей и своих членов. Если здесь и может возникнуть вопрос, то только о том, существовала ли эта партия независимо от сознания своих деятелей. И ответ на него один: и да и нет, в одном отношении она существовал независимо от их сознания своих, в другом – в определенной степени зависимо.

Таким образом, даже если полностью встать на позиции социального конструктивизма, все же, чтобы полностью не порвать с реальностью, приходится признать, что даже сознательно создаваемые социальные конструкции существуют не только вне сознания своих творцов, но в значительной степени и независимо от него. На основании того, что политические партии создаются и ликвидируются людьми, никому пока не пришло в голову написать "Реквием по политическим партиям". Написан лишь "Реквием по этносу", хотя сам же В.А. Тишков признает, что по крайне мере в прошлом человечества этнические общности чаще всего не создавались сознательно людьми, а возникали в результате процесса исторической эволюции, т.е. стихийно (С. 105).

Если проследить ход рассуждений, который привел В.А. Тишкова к сугубо субъективистской трактовке этносов (он же и путь обоснования этой трактовки), то он сведется к следующему. Прежде всего наряду с понятием этноса у него появляется понятие этничности, которое рассматривается как более важное, чем первое. Этнос начинает трактоваться как вторичное, как чуть ли не производно от этничности, которая характеризуется как "субстанция" и даже "первичная субстанция" (С. 33, 96). Согласиться с этим, на мой взгляд, совершенно невозможно.

Этничность есть не что иное, как принадлежность к этносу. Если нет этносов, то нет и никакой этничности. В отношении этноса и этничности первичным является этнос. Следующий шаг, который делает В.А. Тишков, – этнос практически исчезает, остается одна лишь этничность. Соответственно, теория этноса переименовывается в теорию этичности. В последующем этничность, т.е. принадлежность к этносу, сводится к этнической идентификации индивидов, т.е. к осознанию ими своей принадлежности к этносу, а затем просто к созданию человеком своей этнической идентификации самой по себе взятой. Таким образом, этничность полностью отрывается от этноса и превращается в явление индивидуального сознания. А сознанием можно манипулировать. Этнической манипуляцией занимаются и частные этнические предприниматели и государство. По воле государства создаются и ликвидируются те или иные этничности, а тем самым и этносы.

Концепции этничности возникли первоначально в США. И понять их создателей можно. Бесспорно, существует американская нация, объединяющая все население страны, но почти бесспорно, что нет американского этноса. К понятию этноса ближе всего в США стоит та совокупность членов их населения людей, которую принято называть WASP (White Anglo-Saxon Protestant). Но к ней принадлежит лишь часть населения страны. А никаких других этносов в стране нет. Остальная часть населения США принадлежит либо к периферийным частям, либо диаспорам тех или иных этносов, ядра которых находятся в иных странах. Диаспоры постоянно пополняются и растворяются. Идет языковая и культурная ассимиляция. Иммигранты и

их потомки в большинстве случаев шаг за шагом утрачивают свой прежний язык и культуру. В конце концов единственно, что у них остается, лишь память о происхождении, а тем самым, одна лишь этническая самоидентификация.

Да и о сохранении этнической идентификации приходится говорить с большой осторожностью. Она расщепляется: человек нередко обладает не одной, а несколькими конкурирующими этническими идентификациями. Все это создает благоприятные условия для манипулирования, для "этического предпринимательства". Но нельзя же принимать этническую ситуацию в США за норму. В других странах этносы жили и во многом и сейчас продолжают жить или более или менее компактными группами на определенных территориях, которые принято называть этническими. И люди здесь, вопреки утверждениям В.А. Тишкова, не создают свою этническую самоидентификацию, она диктуется им условиями жизни. Процесс их социализации включает в себя в качестве необходимого момента, если можно выразиться, этнизацию. У них в процессе социализации формируется не просто даже сознание, а чувство этнической принадлежности. А чувства, как известно, возникнув, уже не зависят от сознания и воли людей, хотя со временем могут меняться.

Нельзя сказать, что явления, столь характерные для этнической ситуации в США, совершенно неизвестны в других странах. Что-то похожее возникает сейчас в государствах Западной Европы в результате массового притока мигрантов из стран Центральной и Восточной Европы, Азии и Африки. Если обратиться к истории СССР, то хорошо известным явлением была массовая языковая и культурная ассимиляция евреев, в результате у многих из них возникли две конкурирующие этнические самоидентификации: старая – еврейская и новая – русская. Характерен и приведенный в книге В.А. Тишкова пример с московскими армянами (С. 111–112). Но, пожалуй, главное своеобразие этнической ситуации на той территории, которая совпадает с современной Россией, в определенной степени связано с тем, что там существовало лишь два настоящих этноса: русские и казанские татары.

Все же остальные "народы" вошли в состав населения России, когда они еще находились на стадии доклассового общества, и поэтому этносами к этому времени не были. Они представляли собой конгломераты общин или многообщинных социоисторических организмов, члены которых говорили на одном или сходных языках или имели общую или сходные культуры. Процесс формирования этносов начался у них только после присоединения к России, да и то далеко не сразу, а у некоторых он до сих пор не завершился, и не исключено, никогда не завершиться. Этот процесс, происходивший и под воздействием российской администрации, и обстановке интенсивного влияния русской культуры и русского языка, существенно отличался от обычного формирования этносов[4]. И некоторые особенности этого процесса и, прежде всего, его незавершенность использует В.А. Тишков для обоснования своего понимания этносов (С. 62–63).

Но чтобы он не говорил о том, что и частные "этнические предприниматели", и государство могут по своему произволу создавать и уничтожать этносы, ни одного сколько-нибудь убедительного примера привести он не смог. Все, что пишет о немцах США, к делу не относится, они никогда не были этносом и не стали им (С. 105–106). Как утверждает В.А. Тишков, в России во последней переписи по воле этнических активистов и ЦСУ исчез один этнос – мордва и возникли два новых: эрзя и мокша (С. 122). Этот пример не только не подтверждает его концепцию, а, наоборот, работает против нее. Ведь эрзя и мокша как определенные культурно-языковые группы существовали давно. И как бы ученые и администраторы не пытались убедить их представителей в том, что они вместе взятые составляют один единый этнос – мордовский, ничего у них не получилось. Не помогло и создание Мордовской республики. Как

[4] Этот вопрос подробно рассмотрен: *Семенов Ю.И.* Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской части России, Сибири и Русской Америки в составе Российской империи // Национальная политика в императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской части России, Сибири и Русской Америки. М., 1998.

только людям дали возможность свободно определить свою этническую принадлежность, миф о едином мордовском этносе рассыпался.

Главная ошибка В.А. Тишкова заключается в том, что он, исходя из своей концепции этничности, полагает, что представления администраторов и даже ученых (не говоря уже о людях, некомпетентных в данном вопросе) об этносах и сами эти реальные этносы суть одно и то же, не различает этносы, как они существуют реально, вне сознания, и этносы, как они могут представать в сознании людей. В действительности же представление людей о реальных этносах, о границах между ними и т.п. могут быть как истинными, так и ложными.

Одна из причин, которая привела В.А. Тишкова к подобного рода, на мой взгляд, весьма печальным результатам, заключается в том, что он оказался не в состоянии создать подлинной теории этноса. А это, в свою очередь, связано с тем, что он не понимает природы научной теории. Я не буду здесь заниматься детальной критикой его взглядов на теорию и ее отношение к эмпирии, ибо это было сделано мною в другой работе[5]. То, что понимает В.А. Тишков под теорией, никакой теорией не является. Иначе бы он не писал о том, что теория должна создаваться этнографами исключительно лишь на основе собственных полевых материалов и появляться первоначально в виде заметок на полях полевого дневника.

В качестве примера соединения теории с эмпирией он приводит пример своей книги "Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны" (М., 2003). В действительности же в этой книге, в целом весьма содержательной и интересной, нет ничего даже похожего на теорию. И воинствующий антитеоретический подход В.А. Тишкова не случаен. Он целиком ориентируется на западную этнологию, а ее давно уже постиг полный теоретический паралич.

Непонимание сущности теории во многом связано у В.А. Тишкова с незнанием философии. О том, что он с ней плохо, а, может быть, и совсем не знаком, свидетельствуют его утверждения, что позитивизм придерживается теории отражения (С. 41) и что марксистский подход есть разновидность позитивистского (С. 107). В действительности же все без исключения позитивисты, от самых первых до нынешних, всегда отвергали и отвергают теорию отражения. В этом отношении их точка зрения полностью совпадает с той, которой придерживается В.А. Тишков. Он тоже противник взгляда, согласно которому познание есть отражение объективной реальности, и так же, как и все позитивисты, если и не отрицает прямо существования объективной реальности, то по меньшей мере сомневается в этом (С. 10). Это гармонично дополняется у него столь характерным для философии постмодерна неприятием объективной истины (С. 10), без которой, кстати сказать, нет и не может быть никакой науки.

Здесь В.А. Тишков опять-таки проявляет крайнюю непоследовательность. Ведь если нет объективной истины, то он не вправе ни доказывать истинность защищаемых им положений, ни опровергать тезисы своих оппонентов. Все выдвигаемые концепции равноценны, не имеют никаких преимуществ друг перед другом. Если и существует истина, то она субъективна. У каждого своя правда, покушаться на которую никто не имеет ни малейшего права. Уже тот факт, что В.А. Тишков в своей книге всеми силами защищает истинность своих взглядов и стремиться опровергнуть доводы своих оппонентов, неопровержимо свидетельствует, что он, отвергая объективность на словах, в теории, признает ее на практике. Да иначе и быть не может, ведь он же считает себя ученым.

Возвращаясь к трактовке В.А. Тишковым марксизма, необходимо подчеркнуть: марксистская философия есть материализм и в качестве такового она совершенно несовместима с позитивизмом, который всегда был и остается агностицизмом и феноменализмом. Известно, какой беспощадной критике подвергали К. Маркс и Ф. Энгельс представителей "первого позитивизма" – О. Конта, Дж. С. Милля и Г. Спенсера, а В.И. Ленин в книге "Материализм и эмпириокритицизм" – основоположников "второго позитивизма" (эмпириокритицизма): Р. Авенариуса и Э. Маха.

---

[5] *Семенов Ю.И.* О моем "пути в первобытность".

В заключение несколько слов об этике научной полемики. Одно из важнейших ее правил состоит в том, что нельзя приписывать оппоненту того, чего он не говорил и не писал. А между тем в книге В.А. Тишкова есть такое утверждение: «…Сегодня сомневающихся в историко-эволюционных схемах моргановских и марксовых времен обзывают “философствующими постмодернистами”, “невеждами и интеллектуальными мошенниками” (С. 9). Затем следует ссылка на одну из моих работ. Что же в действительности было в ней написано? Приведу полный текст: “К настоящему времени мода на философию постмодерна на Западе проходит, если уже не прошла. Появилось немало работ, в которых философствующие постмодернисты предстали не только как невежды, но и интеллектуальные мошенники”»[6]. Как видно из цитаты, речь в ней идет вовсе не о наших ученых, сомневающихся в правильности моргановских и марксовых схем эволюции общества, а о современных западных философах-постмодернистах. Кроме того, в ней дается не моя оценка взглядов этих людей, а излагаются выводы, к которым пришли другие, западные же мыслители на основе детального анализа работ виднейших представителей философии постмодерна.

Кстати говоря, автор приведенного выше места из книги прекрасно понимал, о чем именно в моей работе идет речь. Ведь недаром он далее пытается любым способом ослабить или даже полностью снять критику философов-постмодернистов, содержащуюся в приводимой мною в качестве примера книге А. Сокала и Ж. Брикмона “Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна” (Париж, 1997; русский перевод с английского издания: М. 2002).

Выступление доцента кафедры этнографии исторического факультета МГУ, кандидата исторических наук А.А. Никишенкова. Я прекрасно помню, как в 1973 г., когда я еще только входил в науку, у нас на кафедре этнографии МГУ (на заседаниях, на лекциях и семинарах и в кулуарах) обсуждалась книга Ю.В. Бромлея “Этнос и этнография”. Я помню, что тогдашний наш этнографический “истеблишмент”, представители старшего поколения, в целом негативно отнеслись и к понятию “этнос”, и к понятию “теория этноса”. Их возражения нередко имели форму недоуменных вопросов: «Зачем нам иностранное слово, когда есть наше русское – “народ”?», «Не слишком ли абстрактны рассуждения об “этникосах” и “этносоциальных организмах” в предлагаемой теории?». Со временем возражения “мэтров” как-то сами собой испарились, и они восприняли и новые понятия, и новые теоретические схемы, стали довольно активно и порой очень интересно рассуждать об этносоциальных организмах и этнических процессах. “Научная революция” плавно перетекла в научную рутину.

Вспоминаю все это в контексте современной “научной революции”. Я полагаю, что активная новаторская деятельность В.А. Тишкова и в особенности обсуждаемый сейчас его труд вполне принимают это понятие-метафору Т. Куна. Была парадигма Бромлея, она сложилась как реакция на изменения в социально-политическом контексте науки. Теперь (последние 15 лет) наша наука также оказалась перед необходимостью пересматривать теоретико-методологические основания своей деятельности (парадигму Бромлея). В силу ряда причин во главе этой “перестройки” оказался В.А. Тишков. “Реквием по этносу” – это кардинальный пересмотр мировоззренческих оснований “советской этнографии”.

Я считаю, что Валерий Александрович сделал полезное для нашей науки дело. Он взял на себя необходимый труд критического пересмотра привычных, устоявшихся, самоочевидных представлений. Дело это нелегкое – не каждому по плечу и по темпераменту. Существенным фактором в этом предприятии, на мой взгляд, является то, что Валерий Александрович не является “записным” этнографом по своему профессиональному происхождению и это в данном случае “плюс”, так как “в своем отечестве пророков не бывает”, а революции делают, как правило, пророки. Помогла здесь и хорошая школа тесного знакомства с проблемами внутринаучной рефлексии социального познания на Западе.

---

[6] Там же. С. 209.

Насколько я слышал, некоторые считают это недостатком, я же считаю достоинством. Валерий Александрович приобщился к своеобразной культуре самокритики, которая давно вызрела на Западе и которая возникла не потому, что философская мысль там деградировала, о чем говорит Юрий Иванович Семенов, если я правильно его понял. Я с этим не могу согласиться, критическая волна в современном познании во многом – реакция на объективные вызовы эпохи, один из способов преодоления кризиса.

У каждой исследовательской программы ("проект Просвещения", различные варианты позитивизма, марксизма, структурализма и пр.) имеется ограниченный познавательный (эвристический, аналитический, объяснительный и пр.) ресурс, который со временем "выдыхается", перестает отвечать потребностям новой эпохи. Но программные установки часто превращаются в самоочевидные истины, в нечто, подобное тому, о чем говорил герой известной повести В.О. Богомолова "Август сорок четвертого". От длительного наблюдения с одной и той же позиции "глаз замыливается", и наблюдатель теряет возможность фиксировать важные вещи, либо видит то, чего нет. В науке это может привести к реификации устоявшихся понятий, к стремлению во что бы то ни стало вычленить в реальности то, что отвечает требованиям научного понятия.

Может быть, это нескромно с моей стороны, но я хочу опять привести пример из своего раннего опыта научных исследований. Искренне очарованный теорией этноса Ю.В. Бромлея (как почти все этнографы моего поколения) я взялся за тему дипломной работы "Этнические процессы в раннесредневековой Польше" (я до сих пор не могу понять, какие вненаучные факторы сыграли здесь более значительную роль, – энтузиазм неофита новой "революционной" теории, школярское стремление показать "отличное" владение методом или специфика польской историографии, склонной видеть "польскость" чуть ли не в эпоху неолита?), нашел польский этнос в IX–XI вв. и очень убедительно его охарактеризовал, используя "теорию этноса". Сейчас я не могу без улыбки об этом вспоминать.

Но вернемся к объекту сегодняшнего обсуждения. Книга В.А. Тишкова – яркий многоплановый труд, в ряде глав написанный с впечатляющей художественной силой и публицистической страстностью. Она фактически завершает "научную революцию", так как некоторые ее важные положения были сформулированы лет пятнадцать назад и тогда воспринимались как действительно революционные, хотя были высказаны в более мягкой форме. Сейчас эти положения стали для многих привычными, так как произвели в сознании научного сообщества определенную реакцию, устоялись и воспринимаются как "рутинные" рабочие темы. Хотя критический пафос книги по-прежнему вызывает у некоторых негативную, если не раздраженную реакцию, которая приобрела форму "священной войны с постмодернизмом". И в этом собрании я слышу отзвуки этой войны, хотя не понимаю, стоит ли вообще употреблять слово "постмодернизм". Я убежден, что это слово лишено определенного содержания и во всяком случае не имеет прямого отношения к обсуждаемой книге. Нет никакой философии постмодернизма, а есть неопределенное количество разных "постов" – постпозитивизм, постмарксизм, постструктурализм, постиндустриализм и т.д. и т.п.

Время сейчас переломное и поэтому немало попыток разобраться со старыми парадигмами, а эти попытки кое-кто пытается оформить в новую философскую парадигму, в частности Ж.-Ф. Лиотар, который произвел своеобразную концептуализацию, если не реификацию, некоторых критических настроений, породив понятие "постмодернизм", как обозначение реального мировоззренческого направления. Я не знаю сколько-нибудь значимых в нашей науке деятелей, которые бы причисляли себя к "направлению постмодернизма", хотя этот ярлык на некоторых из них навешивают. Американские антропологи, даже К. Гирц и люди его круга, записанные в постмодернисты досужими критиками, считают это слово бранным и вообще "французской штучкой". То же можно сказать и про британских, немецких и других антропологов.

Я полагаю, что уместно при разборе книги В.А. Тишкова использовать понятие "внутридисциплинарная критика", которая действительно имеет место и заслуживает более внимательного отношения, чем навешивание ярлыков. Потребность в такой критике в нашей науке

ощущается, и дело тут не в том, чтобы "похоронить" наследие Ю.В. Бромлея. Его теория этноса в свое время адекватно отражала советскую действительность и сыграла важную роль в укреплении и развитии нашей науки. Я порой на лекциях использую в качестве риторической фигуры фразу – "Тема этноса возникает в паспортном отделе Министерства внутренних дел СССР". За этим тропом – реальная действительность в виде жестко регламентированной принадлежности всех без исключения советских граждан к одной из национальностей, зафиксированных в официальных документах (пресловутый "пятый пункт"). Эта реальность "работала" и в сознании населения, и в разных сферах общественной жизни. Возникнув во многом как продукт политики большевиков, направленной в свое время на нейтрализацию националистической оппозиции, роспись по нациям (народностям, национальным группам и т.п.) находилась в сложном симбиозе, по существу, с унитаристскими принципами советского государства. Этот симбиоз мог существовать только при наличии этого государства с его специфическими средствами сдерживания центробежных тенденций.

На мой взгляд, теория этноса Ю.В. Бромлея была адекватной этой реальности. Кроме того, эта теория послужила средством повышения общественного статуса нашей науки – Бромлей на излете "хрущевской оттепели" лишил монополии на изучение национального вопроса специфическую корпорацию "научных коммунистов", близкую к идеологическому отделу ЦК КПСС. Как многие помнят, этнографам до этого и близко нельзя было подходить к этой проблематике. В этом смысле теория этноса сослужила неплохую службу этнографии, выведя ее из разряда вспомогательных исторических дисциплин. С распадом Советского Союза реальность, изучаемая этнографией, кардинально изменилась и в новых условиях продолжать ее трактовать в прежнем русле стало не просто ошибочно, но и безответственно – лишенные мощных скреп советской государственности "этносы" (в лице тех, кто их "приватизировал" и кто частенько апеллировал к "теории этноса") проявили свои качества "мины замедленного действия". В новой ситуации для многих стали видны не только "родимые пятна", указывающие на происхождение "теории этноса", но и ее слабые эвристические и аналитические возможности. Она представляла собой не столько поисковую и аналитическую модель, сколько некий набор понятий, под которые можно было подвести те или иные виды реальности.

Разобраться во всем этом не так просто, для этого нужна отработанная культура рефлексии научной деятельности (критики), которой в нашей науке, по моему мнению, всегда не доставало. Статьи и обсуждаемая книга В.А. Тишкова – актуальная попытка этот пробел восполнить, попытка в ряде пунктов не бесспорная, но совершенно необходимая. Даже те, кто категорически не приемлют его положений, вовлекаются в процесс рефлексии и, тем самым, вольно или невольно принимают участие в создании новой и необходимой для нас реальности – реальности рефлексирующего дискурса научной дисциплины.

Теперь об учебниках и учебном процессе, о чем здесь мало говорили. Мне показалось, что "Реквием по этносу" планируется использовать в качестве учебника. Я полагаю, как преподаватель с большим стажем, что в таком виде эта книга вряд ли может служить хорошим учебником. В ней есть много свежего, актуального и по-новому осмысленного материала, который, безусловно, нужен начинающим этнологам и вообще студентам гуманитариям. Но много и специфического (внутрицехового) критицизма, который, как я уже говорил, необходим для специалистов, ответственно относящихся к современному и будущему состоянию нашей дисциплины, но вряд ли уместен в таком количестве при изложении предмета студентам. Студентам нужно давать преимущественно позитивный материал, "школяра" нужно учить преимущественно чему-то конкретному, а не доказывать, что кто-то в чем-то был не прав. Негативный пафос нужно аккуратно дозировать, чтобы у неискушенных не сложилось невольного (по неопытности) впечатления о преподаваемой науке, как о средоточии заблуждений.

Разумеется, позитив не должен быть того сорта, о котором здесь говорил один из выступающих – "любовь к технике, как особенность этнической психологии белорусов". Без учета традиций нашего отечественного высшего образования не обойтись. В нем должна быть известная доля консерватизма.

История нашей науки должна быть представлена как противоречивая, но созидательная деятельность поколений ученых, только благодаря которой современная этнология и существует. Не лишним, мне кажется, в этой связи было бы продемонстрировать наряду с мерой познавательной ограниченности и конструктивные особенности теории этноса Ю.В. Бромлея, ее историческую обусловленность.

И еще одно суждение о роли критики и самокритики в науке. Критическая волна, которая на Западе практически уже сошла, в целом сработала на пользу культурной / социальной антропологии. Она действовала подобно тому, как действует ювелир, проверяющий изделия из драгоценного металла – опуская их в концентрированную кислоту. Стоящие вещи остаются целыми, а фиктивные разрушаются. Однако есть одна особенность, отличающая отечественную этнологию от западной антропологии. Даже только по демографическим параметрам, не говоря уже о финансовых и организационных возможностях, западная антропология несоизмерима с нашей наукой. То, что на Западе действовало как оздоровляющий душ, и воспринималось в целом нормально научным сообществом, воспитанном в традициях критицизма, в нашем контексте, отягченном недавними воспоминаниями о специфических "кампаниях критики", может привести и к травмирующим последствиям, отнюдь не способствующим плодотворной научной деятельности. Если же учесть, что критика исходит (опять-таки в русле нашей отечественной этнологической традиции) не просто от оригинально мыслящего и искренне заинтересованного в совершенствовании науки исследователя (я убежден, что В.А. Тишков таковым является), а от директора Института этнологии и антропологии, который (я, опять-таки, убежден – на пользу всему нашему цеху) избран членом-корреспондентом РАН, то действие такой критики нуждается в особой корректировке. Ее положения могут быть восприняты как нечто вроде моды или, еще хуже, предписания, а это бывает небезопасным. Впрочем, это замечание относится не столько к Валерию Александровичу, сколько к моим коллегам-этнологам.

Д.Д. Тумаркин: Как вы относитесь к высказыванию Малахова, приведенного в послесловии к книге Валерия Александровича: "Историческая реальность не существует как таковая, вне и независимо от человеческих представлений"? Вы согласны с этим тезисом или нет?

А.А. Никишенков: Нисколько не претендуя на интерпретацию отношения к этому вопросу В.А. Тишкова или В.С. Малахова, выскажу свое отношение к этой фразе. Дело в том, что современный язык социально-философского дискурса необычайно метафоричен, а метафоры буквально воспринимать не стоит. Если эту фразу воспринять буквально, в контексте классических проблем философии, то нужно признать, что ее автор – субъективный идеалист, отрицающий объективную реальность. На этом "диагнозе" еще недавно обсуждение можно было бы закончить.

Я же, отталкиваясь от контекста, в котором эта фраза имеет смысл, вижу в ней здравую и не бесполезную для нашего обсуждения мысль: историческая реальность познается человеком и только человеком, поэтому в процессе познания и в его итоге – "тексте" всегда неустранимы особенности отношения человека к изучаемой реальности. Если этот "человек" утверждает, что его познание объективно, т.е. полностью лишено признаков его отношения к реальности, то этот человек, мягко говоря, преувеличивает свои возможности, претендуя на роль чистого разума. Попросту говоря, "историческая социальная реальность" в онтологическом плане – это явление, порождаемое людьми с их отношением к этой реальности, а в гносеологическом плане – это познанная реальность с отпечатком отношения к ней познающего человека.

Кстати, название обсуждаемой книги – это, безусловно, метафора. Если его воспринимать буквально, то придется признать, что В.А. Тишков злонамеренно хоронит нашу этнологию и вообще пророчествует конец света. Но буквально воспринимать метафору вряд ли стоит, все-таки это метафора и поэтому у названия другой смысл, не столь ужасный. По крайней мере, я так вижу.

Выступление директора НПО "Диалог" (Казахстан) И.С. Савина. Существует ли этнос как реальность в сегодняшнем Казахстане? Если понятие этноса в Казахстане направлено на

войну и обеспечено социальными ресурсами для титульной национальности, то, несомненно, существует. Допустим, каждый казах возжелает считать себя членом этноса, имеющего как общеэкономические интересы и т.д., и т.п., так и социальные ресурсы, т.е. взаимовыручку и т.д. Сидящие же в этой аудитории люди, как и "некоренные" в Казахстане, несомненно, не сочтут ни теорию этноса, ни этнос неким феноменом, частью какой-то реальности для себя. Тогда как для казахов – это вполне реальная вещь, которой можно пользоваться, получить дивиденды. Так что – существует или нет? Я думаю, что реквием по этносу – это реквием по монополии описания словом "этнос" всех явлений, по отношению к тем или иным различиям в обществе и возникающим на их основе социальным группам или социальным сообществам.

И второй аспект. Мне судьба дала возможность поработать рядом с Валерием Александровичем много лет. И хотелось пафос, так сказать, идеи или нового слова привести к себе на родину. Я знаю, как воспринимают эти идеи. Мне часто удавалось уговорить коллег опубликовать тексты статей Валерия Александровича в том или ином журнале в Казахстане. И неизменно в течение 10 лет люди, которые для себя определили, что этнос – это вещь нужная, объективно реальная, воспринимают статьи Валерия Александровича не как попытку переосмыслить опыт, а как попытку разрушить "нашу нацию". Вот вам пример, почти цитата, – "пример российского шовинизма, рядящегося в академическую мантию", это цитата, это не мои слова.

Поэтому еще раз задаю вопрос: существует ли этнос как реальность? Для меня существует в смысле системы не только представлений, но и мотиваций, которые люди ощущают как оскорбление, как попытку подрыва собственного статуса. А кроме того, для других людей, которые не претендуют на высокий статус в том или ином обществе, – это один из этнических культурных феноменов, который описывает круг явлений, но не более.

Заключительное слово В.А. Тишкова. Я выражаю благодарность всем, кто пришел сегодня и нашел возможность выступить. Были высказаны ценные предложения при обсуждении этой темы. Я не планирую превращать книгу в учебник, тем не менее желательно было бы дописать три-четыре темы (например, семья, антропология социальных структур, политическая и медицинская антропология), сократив некоторые слишком пространные главы, скажем, о переписи населения и о диаспорах. Можно попробовать изложить еще пару сюжетов, которые относятся к аспекту классической социально-культурной антропологии, некоторые методологические подходы к преемственности в науке и к проблеме смен парадигм.

На этот счет у нас своя традиция, и я обратил внимание, что в научных трудах, особенно историков, нигде за рубежом нет в начале диссертаций или книг таких обстоятельных историографических введений, т. е. обзора того, что сделали до тебя предшественники. Это выделяет нашу научную традицию из числа других, в том числе и у восточноевропейских коллег. Однако, когда я вижу, что наши диссертации, а уже потом книги, состоят из трех глав, а первая глава, т. е. треть работы, это все историография, у меня закрадываются определенные сомнения в безусловной полезности данной традиции.

В нашей традиции есть представление, что если ты критикуешь чью-то работу или теорию, значит, ты плохо относишься к автору и даже подвергаешь сомнению его человеческие и профессиональные качества. Эта позиция идет от научной этики советских времен, и в нашей науке она расцвела при Бромлее в рамках тотального утверждения теории этноса. Именно поэтому я бы отнес к приоритетной задаче развитие критического, ревизионистского подхода и научной рефлексии.

Свой собственный научный стиль я бы охарактеризовал как критический междисциплинарный подход на основе методологического индивидуализма (или методологического плюрализма). Я себя не отношу к постмодернистам, даже не употребляю этого слова и, честно говоря, не знаю, что это такое. Я себя отношу к сторонникам теории социального конструктивизма, бесспорно признаю это направление, а та критика, которая сегодня началась в адрес конструктивизма на Западе, она скорее вызвана почти тотальной победой этого методологического направления. В любом зрелом академическом сообществе ученые не любят, когда

вдруг какая-то теория или подход становятся слишком влиятельными и слишком доминируют в теории. Несмотря на ограничения и родовые недостатки, конструктивизм – это мощный подход, основанный на глубоком понимании социальной динамики и взаимодействия.

Примордиалистский, органистический подход, который неустанно излагает Юрий Иванович Семенов, во многом схоластичен и не работает, потому что реальность отношений и реальность ментальных предписаний выдаются за реальность вещей (организмов), за архетип коллективного тела в виде этноса, что и является несостоятельным. Поэтому для меня интерес – не в этнических процессах, а в этнической процессуальности, которую, например, своими руками мы творили совсем недавно в связи с переписью населения. И для меня нет вопроса, сколько народов живет в России, т.к. сколько надо народов, столько можно и сделать. В итоге политических переговоров, научных манипуляций, писем, жалоб со стороны местных властей, этнических активистов из культурного многообразия и мозаики рождается представление об этнокультурных коалициях и сообществах на культурной основе.

Посмотрите внимательно оглавление дореволюционной книги Е. Забелина "Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия": при чем там чувашская свадьба и другие описываемые традиции нерусских народов? Все "инородцы" и их культурные обычаи в этой книге представлены как традиции русского народа. Но мы этого не замечаем или не хотим замечать. Наверное, раннее отечественное "народоведение" было совсем не во множественном числе, то самое народоведение, о возрождении которого столь много говорилось этнографами. Поэтому даже понятие "народ" было совсем другим, было широкое и инклюзивное понятие российского или русского народа, при этом "русский" и "российский" являлись фактически синонимами. Но сегодня эта синонимичность невозможна, потому что "русскость" нагружена этническим содержанием гораздо более сильным, чем это было в конце XIX или начале XX в.

Сегодня даже в естественных науках признают, что категории и понятия колоссально влияют на ту самую, казалось бы, непременную материальную реальность, которая "дана нам в ощущениях". Но это не моя сфера, едва ли я когда-нибудь в нее вторгнусь, но хорошо, если бы был написан какой-то курс или учебник или хотя бы серия монографий, которые этот дефицит покрывали бы. Это то, что сказала Татьяна Ивановна Алексеева о соотношении действительно социального и биологического именно на современном уровне, это, конечно, не старая социобиология, которая немного перестроилась и модернизировалась.

Очень многие фундаментальные вещи, которые присутствуют в нашей культуре, наверное, имеют биосоциальную природу, т.е. эта грань в научном анализе все больше и больше, наверное, будет исчезать. В своей работе о здоровье человека, которая недавно опубликована в "Вестнике РАН", я привожу данные по проблемам современного состояния здоровья людей, и многое здесь связано с глубокими эволюционными и адаптационными процессами. Но я против того, когда в издательстве "Наука" публикуется книга "Этногеномика". В ней наши коллеги генетики взяли каждый "этнос", посчитали гены и вывели, так сказать, определенный "этногеном".

Я – не сторонник одной метатеории и холистского подхода. Если мне нужна этнография как метод и как форма нарратива, то я ими пользуюсь. И моя книга по Чечне, например, выполнена в этом ключе. Более того, я призываю к возрождению этнографического метода и то, что называю этнографией прямых голосов. Это нужно делать. Хотя по проблеме этнографического поля сегодня есть более тонкие подходы. По этому поводу у нас не было дискуссии, но нам нужно, конечно, об этом думать. Поэтому этнографический метод я использую больше всего, но где-то я все-таки пользуюсь чисто историческим методом. Где-то есть элементы нормативного подхода, которых я хотел бы избежать, но они появились в связи с тем, что работа писалась сначала как очерки, как разработки, скажем, по сепаратизму, по терроризму и уже не было возможности наполнить их этнографическим материалом, как я сделал, скажем, по феномену насилия или по мультикультурализму.

Сегодня нет такого деления науки на западную и незападную. Для меня есть два фундаментальных понятия: мировая наука и национальная научная школа, которая является частью

мировой науки. Вот эти отношения, наверное, нужно обсуждать. Былая изолированность советских ученых во многих случаях сменилась самоисключением из мирового конкурентного пространства науки.

В книге так и не была опубликована глава с критическим разбором теории этноса – от Широкогорова до Бромлея и Гумилева, но я это сделаю в дополненном издании, ибо потребность в этом сохраняется. "Теория этноса" как основная рубрика нашего журнала – это "расстрельное" название. Здесь есть проблема, и я ее ощущал уже давно, но, к сожалению, моя должностная позиция мешала мне заниматься этим делом. Десять лет тому назад я написал статью с названием "Реквием по этносу". Но тогда, когда я принес в журнал эту статью, ответственный секретарь сказала, что я оскорбляю дисциплину и коллектив. И я тогда, действительно это дело отложил почти на 10 лет, понимая, что я здесь выступаю не просто как рядовой исследователь… Я разделяю взгляд на важность преемственности в науке, но только при условии, что приоритет обновления стоит не ниже, чем приоритет преемственности. В обновлении дисциплины заключается главное условие ее развития.